

ВЛАДИМІРЪ
МАККАВЕЙСКІЙ

ФИЛОСОФЪ
АЛЕКСАНДРІИ

СОНЕТЫ
И
ПОЭМЫ

ИЗДАНИЕ

E · D · I · T · I · O · N ·

PAPPADOPULO
ATHENES-KIEW.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Р. М. РИЛЬКЕ. „ЖИЗНЬ МАРИИ.“ Переводъ размѣрами подлинника со вступительною замѣткой. Кіевъ 1914. У Л. Пдзиковскаго. Цѣна 75 к.

„ПЬЕРО УБИЙЦА“— Псевдотрагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ (печатается и выйдетъ въ изданіи Х. Д. Паппадопуло осенью 1918 года).

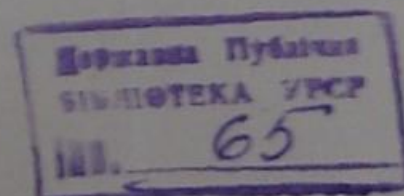
Quelques Vers (en préparation).

ANTIBARBARUS. Книга врожденныхъ заголовковъ (готовится).

31.140-2 пр
3 пр

X
20v

КНИГА ИЗДАНА ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 500 ЭКЗЕМПЛЯ-
РОВЪ. ИЗЪ НИХЪ: 25 ИМЕННЫХЪ ФОРМАТА IN 4°
НА БУМАГѢ INGRES D'ARQUES ВЪ ОБЛОЖКѢ ВАТ-
МАНЪ СЪ ПЕЧАТЬЮ АВТОРА (ВЪ ПРОДАЖУ НЕ
ПОСТУПИЛИ); 50 НУМЕРОВАННЫХЪ—ТАКИХЪ ЖЕ
КАКЪ ИМЕННЫЕ; ЦѢНА ЭКЗЕМПЛЯРА—15 РУБЛЕЙ.
ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ
ПЕЧАТНАГО ДѢЛА. КНИЖНЫЯ УКРАШЕНІЯ ПО РИ-
СУНКАМЪ В. Н. МАККАВЕЙСКАГО.

3882-10

КНИГА ИЗДАНА ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 500 ЭКЗЕМПЛЯ-
РОВЪ. ИЗЪ НИХЪ: 25 ИМЕННЫХЪ ФОРМАТА IN 4°
НА БУМАГѢ INGRES D'ARCHES ВЪ ОБЛОЖКѢ ВАТ-
МАНЪ СЪ ПЕЧАТЮ АВТОРА (ВЪ ПРОДАЖУ НЕ
ПОСТУПИЛИ); 50 НУМЕРОВАННЫХЪ—ТАКИХЪ ЖЕ
КАКЪ ИМЕННЫЕ; ЦѢНА ЭКЗЕМПЛЯРА—15 РУБЛЕЙ.
ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КІЕВСКОЙ ШКОЛЫ
ПЕЧАТНАГО ДѢЛА. КНИЖНЫЯ УКРАШЕНІЯ ПО РИ-
СУНКАМЪ В. Н. МАККАВЕЙСКАГО.

ПОСВЯЩАЕТСЯ БРАТУ НИКОЛАЮ.

ІІ абіе пѣтегь возгласи.

Мрк. XIV, 72

LA CHAIRE EST TRISTE; HÉLAS!
ET J'AI LU TOUS LES LIVRES

Stéphane Mallarmé

ВСТУПЛЕНИЕ.

СОНЕТЫ.

СОНЕТЫ САМООПРАВДАНИЯ.

Брату Н.

I

И сумракъ сирь. И мутень лунный кругъ.
И кратокъ путь отъ ласки до разлуки.
И былъ неправъ обрѣтшій въ лирѣ лукъ.
И былъ безъ силъ вожатай сребролукій.

Встаетъ туманъ; безглавый и безрукій
въ шатеръ небесъ вползаетъ, какъ наукъ...
Въ отчизнѣ чаръ уснуть мои фелуки,—
въ отчизнѣ чаръ..., гдѣ сѣтуетъ бамбукъ.

Но не зови наукою наукъ
закоиъ о томъ, что сердцу нѣтъ возврата,
что врагъ и рабъ милѣй отца и брата,
и розу зорь на золотѣ заката
замкни въ кіотъ исконно-мудрыхъ мукъ...
Пусть—сумракъ сирь. Пусть мутень лунный кругъ.

II

Тебя, о Тишь непоколебимыхъ линій,
Елеи сонъ и мохъ паросскихъ плитъ,
тебя, о Тишь, проводитъ чрезъ триклиній
въ таблинумъ мой привратникъ Гераклитъ.

Усопшихъ лунъ забвещъ аэролитъ.
Ночныхъ деревъ колебля хвостъ павлиній,
и Сиринъ зорь уже не веселитъ
моей земли, почиющей въ долиниѣ.

О Гесіодъ, Олимпъ и Оссіанъ,
струна руинъ на нивѣ асфоделей,
гдѣ каждый часъ медлительной недѣлей

въ мой силоамъ сникаетъ, осіяниѣ,—
тебѣ, о тишь, послѣдній мой пеанъ—
слеза Діанъ надъ сѣдиной кудели.

III

Колчанъ луны не по плечу лазури.
Наитіямъ не внемлетъ соловей.
Завистливый, дыбя дугу бровей,
поеть Давидъ о женахъ новыхъ Урій.

И тучъ на лбу косматомъ точно турій
упрямый рогъ сутулится мертвѣй,
шатру земныхъ трепещущихъ вѣтвей
пророча шагъ неотвратимой бури.

И надо мной пройдетъ ея соха.
На небесахъ, какъ въ озерѣ русадій,
отражена—печаль моя ветха.

И ночь темна. И заповѣдь тиха.
И скрыть помазь вѣнчаннаго грѣха,
устроивъ плясъ, не въ силахъ старый салій.

СОНЕТЪ-ПЕЙЗАЖЪ.

Гдѣ ливня дальняго за частоколомъ свай
лишь облакъ остовы у сумерекъ порога,—
загадочно кривой казаться не желай,
о ты, что въ горизонтъ вливаешься, дорога.

Гдѣ простотѣ луны, себялюбивой строго,
и скудости деревъ присталь собачій лай,
не все ли искать отъ Феба до Сварога
великихъ вечеровъ у вѣтви вялыхъ вай?

И глазу пастбищемъ не все-ли понуро
ты служишь, о пейзажъ, и хрипомъ на дубу
цѣвницу нивъ манишь и горь зовешь трубу
туда, гдѣ потушивъ послѣднюю избу,
мертво, какъ тишина, что октяблями бура,
уснула осени линиялая гравюра.

СОНЕТЪ - ЭЛЕГІЯ.

Акростихъ Матери.

Межъ хвой и тополей—отъ августа до марта
Необитаемый, сырой и хмурый домъ;
Мутнѣй начерчена полуночная карта
Арктическихъ свѣтилъ надъ илистымъ прудомъ.

Какою-то рукой въ недавнее ведомъ
Калѣвка осени, гдѣ красная Астарта
Аллеи пляшущей повержена въ Содомъ
Віолой Вебера и арфою Моцарта.

Ея не разлюбивъ, одна въ мою Луну
Идешь — осѣнена скелетами аллен.
Свирѣли многія сливаются въ одну.

Коричневой листвы лилеи не алѣе:
Осеннихъ облаковъ благія Пропилеи
Идущую зовутъ къ веснѣ или ко сну.

СОНЕТЪ-АПОЛОГІЯ.

Акростихъ Брату.

Нерей не рѣжетъ водъ. Вулканъ не мечетъ рудъ.
Маякъ пронзилъ туманъ, уже не вѣря бурѣ.
Арахною прядя шелка своихъ причудъ,
Киприда ветхая не помнитъ объ Амурѣ.

Къ чему же ты опять—пантеры въ рыжей шкурѣ,
А я наемникомъ на трезвый призванъ трудъ
Во дни, когда души въ смѣющемся авгурѣ
Еще не разглядѣлъ Нероновъ изумрудъ?

Изъ зорь ли золота, изъ чугуна ль надгробій
Сковаль ты свой доспѣхъ, какъ новый Ніобидъ,
Который древняго прилежиѣе скорбитъ

О соляной жеиѣ, о каменной Ніобѣ:
Маякъ пронзитъ туманъ, уже не вѣря злобѣ
Увѣта ветхаго о вѣчности обидѣ!

ТЕБѢ ЕДИНОМУ СОГРѢШИХЪ.

Акrostихъ Исааку Рабиновичу.

Иссопомъ окропленъ, по древнему псалму
Исказалъ и ты Ему: *Рессаві Tibi Uni.*
А я еще влачу сугубую суму
Апрѣльскихъ сумерекъ, іюльскихъ полнолуній.

Куются ль обручи предутренней латуни,
Руно ли вечера окутываетъ тьму, —
Алкея межъ пѣвцовъ, Сивиллы средъ вѣдуній
Безумный я не зналъ, премудрый не пойму.

И лишь персты зари, испепеленной втунѣ,
Нѣжиѣ позлатятъ Аргосскую корму, —
О златѣ элина—въ Гиперборейской руинѣ

Витійствуя, спою усталому уму
И длани пляшущихъ въ весельи разуму,
Чаруя ту же ложь: *Рессаві Tibi Uni!*

MUTA QUIES HABITAT.

Акrostихъ Владимиру Эльснеру.

Велерѣчивою исполненный толпой
Вликей не все чтить свой Фидіевъ фастигій:
Азійскихъ риторовъ я видѣлъ въ лонѣ стой,
Дидаскаловъ сѣдыхъ, перелагавшихъ книги;

Истмійскаго песка не мѣситъ грудь квадриги,—
Мы все своихъ коней ведемъ на водоной;
И если живъ Пріапъ, листомъ холодной фиги
Рубиновой стрѣлы узаконенъ покой.

Элада плачется. Колонская земля
Льняной иматионъ, гляди, уже надѣла;
Сарона астрофоръ, маякъ водораздѣла

Нарциссъ Кефисскаго не вѣдаетъ руля.
Еще ли, радостей безплодыя не дѣла,
Рычагъ усердія внимаешь кривдѣ дѣла?

СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЕ.

Акростихъ поэту.

М. А. З.

Сложивъ, святѣе вдругъ иныхъ, чей вялый зовъ
Такимъ желалъ вождя, чтобъ въ новой марсельезѣ
Единокровный братъ изъ синевы Экклезиі
Фригійца правнукамъ пересказалъ боговъ:

Астральный ароматъ; цвѣтеніе свѣговъ
Несомкнутой руки; и—канифольной рѣзи
Мертвѣщій диссонансъ; и—полиолуньемъ грезя,
Архангелъ, плачущій объ убыли роговъ.

Любилъ, сощутивъ глазъ, —заплакать не умѣя,
Лорнировать глазурь фарфоровой груди,
Аббатомъ шаловливъ; —гибнѣливъ на площади—

Ревнивѣй фавна пѣть блудницу Идумеи...
Межъ тѣмъ какъ Синевы померкшія Камени
Ефесскихъ Сумерекъ заволкли дожди.

ИЗЪ СТЕФАНА МАЛЛАРМЕ.

Переводъ.

Ея ногтей оживъ, что ожилъ изъ пароса,
ЕТревога, дней порогъ, маякъ—лампадофоръ,
И вечеровыхъ сновъ, что преломили косы
Воскрылій Феникса не много ль для амфоръ

На аналояхъ залъ, пустующихъ съ тѣхъ поръ,
Какъ отзвѣцалъ кимвалъ напраснаго вопроса,
И Стиксомъ пролиты послѣднихъ плачей росы—
ГордыиѢ мастера несправедный укоръ!?

Но оконъ около на нивѣ златосбора,
Гдѣ всталъ единорогъ изъ оналенныхъ розъ,
Погребена она—по волѣ ли узора?—

Единая отъ никсъ: ониксъ ея убора
Быль замкнуть рамою забвенья, чтобы скоро
Арктической сентеть сверканьями возросъ.

ЛЮДОВИКЪ XIV.

Не обогреть авророй эмпирей
И кровь одеждъ второго кардинала.
Терситъ молчалъ: вселенная внимала
мелодіи Ахилловыхъ кудрей!

Троновладыкъ Подсолнечной мудрѣи
согласныхъ лунъ стоглаваго аннала
свидѣтель Фебъ, чьей славѣ было мало
стать статуей версальскихъ галлерей.

Ультрамаринъ муара, что мутнѣи
Летейскихъ водъ—лилей бѣлой данникъ;
и крѣпостей Вобана шестигранникъ

провозгласилъ: не стало Пиреней!
И—выпрямивъ барочные аканты,
гордится Лувръ прибытіемъ инфанты!

ЛЮДОВИКЪ XV.

Послѣдышу прославленныхъ династій
Пгрозилъ мятежъ ветерпѣливыхъ слугъ,
но ты прошелъ, влача крутой каблукъ
угрозами неумудренной власти.

Страшнѣй меча Дамоклова ненастій
былъ Эроса тебѣ любезный лукъ,
геральдику любившій межъ наукъ,
бесильныхъ стать наукою о счастья.

Что нужды въ томъ, что заалѣлъ атласъ
трехлилійный въ дофиновыхъ гостинныхъ?
Кто ритора Женевы ярый гласъ

предпочиталъ реторикѣ въ Расинахъ,
могъ обмануть Вольтера на крестинахъ
гомункула свободы, какъ Фоблазъ!

ЛЮДОВИКЪ XVI.

Аркадское недолго длилось лѣто...
Пусть этого тебѣ не будетъ жаль;
разсудочный отецъ мадамъ де Сталь
слабѣе, чѣмъ кокарды Лафайета!

Ты это зналъ. Обманнаго обѣта
пріавъ позоръ, ты искунилъ печаль;—
на площадяхъ не уставала сталь
плясавшаго, сверкая, байонета.

Какъ Пиреней — марсельцу иѣтъ Луаръ
и Австрія, дразня трубу раздора,
въ злещеный склепъ, какъ иѣкая Пандора,
открыла дверь въ коварный будуаръ,
гдѣ плакалъ кринь, чей голубой муаръ
Неотомщенъ девятымъ термидора.

СОПЕТЪ СОПОСТАВЛЯЮЩІЙ ДВА ЕДИНСТВА.

Гнушаясь золотомъ, онъ радъ одѣться сажей
сосновый гробъ зари, лишенный галуна:
въ пейзажѣ, что вкусилъ отъ простоты и сна,
участвуютъ едва огни седьмыхъ этажей.

Ужель какъ Библия, что на землѣ въ продажѣ —
какъ будто истина воистину нужна —
вотъ эта самая старинная луна
столь многимъ видѣлась — до дна одна и та же?

Не потому ль, что всѣмъ подъ солнцемъ не тепло
и одинаково отъ лунъ желалось чуда,
вчера внимательныхъ къ себѣ не привлекло —

—закатомъ занято — тревоги ниоткуда
речитативами — какъ битая посуда
продребезжавшее оконное стекло?

ПОЭМЫ.

О хладныхъ глазъ аквамаринъ,
когда отравы были сладки
и медицейскія облатки
пророчили Екатеринъ....

Мой свитокъ время надорвало:
въ давилъиѣ плакала лоза,
но только мутные глаза
въ винѣ напомнилъ рогъ нарвала!

И стилось сѣтуеть: пиши,
благой неудостоннъ вѣсти,
свой реквиємъ на палимпсестѣ
трикратъ исписанной души.

ВЪРУЮ, ИБО НЕЛЪЮ.

Гдѣ тишина вдоль сводовъ склепа
научеѣй пражей льнетъ къ замку,—
строкѣ недѣной служить слѣвно
одѣтъй въ шкуры и камку.

Съ нимъ тигль унылый словно оводъ
буравить плоть покорныхъ рудъ,
тщетѣ усилій новый доводъ
даря, какъ золото за трудъ.

Подъемлетъ къ выси въ знакъ вопроса
кривья выи рой ретортъ,
и рошчетъ, слезъ роия росы,
въ углу замороженный чертъ.

А счетъ годинъ доведши до ста
и негодуй, что онъ живъ,
косарь несытаго погоста
не въ силахъ заглянуть въ оживъ

окна, гдѣ ищутъ только злата,
забывъ, что раменамъ Овна
луны двѣнадцатая латы
судила снова вышина;

забывъ, что трудъ тяжелъ и дологъ,
презрѣвъ усѣховъ недородъ,
металла годнаго осколокъ
провидать въ неидѣ сковородъ.

Но только блѣденъ и неровенъ—
не въ силахъ радовать и грѣтъ—
вверху, надъ панцыремъ жаровенъ,
отвѣтныѣй нимбъ возноситъ мѣдъ.

Предъ зеркалами обезьяны,
дивясь ерошатъ парики....
и вѣченъ въ нихъ апостолъ рьяный
недоказуемой строки.

А въ ветхомъ томѣ, смысломъ скрытымъ
гордясь, уснула пустота:
какъ будто богъ парнокопытный
замкнулъ Блаженные уста.

И въ этой мглѣ, гдѣ сердцу сыро,
гдѣ, все сказавъ, уста молчатъ,
и онъ въ очахъ главы двудырой
какъ мракъ отъ мрака былъ зачатъ.

1915. VII. 17.

Бьетъ всадникъ съ косою—копытомъ,
сбьющимъ трусь,
поправѣмъ тысячь сытый
путь въ Эммаусъ.

Прохожій, утѣхи случайной
я не хочу:
пусть тайна предстанетъ тайной
сердцу—мечу,

Прохожій, къ Тебѣ ль несли мы
наши кресты?—
величью безумья зримый
это не Ты.

Въ трубѣ ли побѣдной гордыни
Новый Завѣтъ?—
лишь Отчая Воля въ Сынѣ,
Сына же нѣтъ.

Пусть небо замкнетъ Твое чудо
въ огненный кругъ,
пусть камней распалась гряда,—
паль ли недугъ?

Во мракъ опрокинутыхъ стражей
ты ли сразилъ?
О, та же и въ Отчей кражѣ
сила безъ силъ!

А мы со врагомъ на осинѣ
дѣлимъ судьбу:
вновь небо предстало синимъ
сердцу—рабу:—

бьетъ всадникъ съ косою—копытомъ,
сбьющимъ трусь,
поправѣмъ золь несытый
путь въ Эммаусъ.

Словно для чьей-то потѣхи
 тѣша путную боль,
 ветхія, чту васъ, вѣхи
 праведныхъ волю.

Кривдѣ печали довлѣя,—
 правды горя-изгой,
 шелъ и я вдоль аллеи
 драбной ногой...

Треску сучьевъ сорочья
 вторила зло семья;
 мнилось: аллея короче,
 уже скамья...

Крѣпче долу осѣли,
 въ землю впаяны ниш...
 Воронъ старѣйшій съ ели
 крикнулъ: „расгни“.

Но вѣтвями задвигалъ
 вѣтеръ лишь неживой,
 правя горстями иголь
 словно листвою...

А отвѣтно промямлитъ,
 непредвидѣвъ грѣхомъ
 первороднымъ, лишь Гамлетъ
 —бѣлымъ стихомъ...

Или, грозенъ и горекъ
 отреченный трикратъ,
 трижды проклятый Юрикъ—
 Гамлету братъ.

И напрасно утѣхи,
 тѣша путную боль,
 прочать голя вѣхи
 праведныхъ волю.

1916. VIII

33

3882-10

Ноябрь. Итопыри. Коричневья лужи.
 Новорожденный хрусть въ бору.
 Я храбрь: одру зари не быть сегодня уже,
 чѣмъ ежедневно ввечеру.

Стезя скитальная, какъ не была гористой,
 такъ и не будетъ впереди,
 гдѣ безразличными репликами хориста
 обмѣниваются дожди;

низовій насынки чтобъ знали:-не изучимъ
 мы вѣкъ зенита, чью хвалу
 змѣимъ безъ устали, растеніемъ ползучимъ
 прижавъ къ попутному стволу...

Кто жъ станетъ строить храмъ грядущей Артемидѣ
 утѣхъ?-Вставая до зари,
 готовить черствый хлѣбъ, къ престолу проскомидіи
 влачить сѣдые стихари?

Итопыри. Ноябрь. Призывиѣи и невятиѣи
 стѣнныхъ стѣнаній нищета
 и только издали кривою голубятней
 чериѣть дерево креста.

Но, чтя въ душѣ моей сестру свою меньшую—
 многострадальную сестру,—
 усталъ и онъ стоять путей всегда ошую
 и поутру и ввечеру.

1916.VIII

МНОГОГЛАВЫЙ НОМОСЪ.

М. Гинзбургу.

Когда грустно грузные камни
Крудокопозъ правды ворочать,
мастеръ мѣры смотритъ въ глаза мнѣ,
новый номосъ струнно пророча.

И сжимаю снова зловѣще
я пружины ржавыхъ инерцій:
пусть восторги мои расплещетъ,-
однозвучно споткнувшись, сердце...

чтобъ покорны, не зная, какому
срыву воли, помыслы вяли,
опрокинувшись гулко въ омутъ
бездонной крышки рояля;

а, взнесенный гнѣвомъ аккорда
надъ звономъ всѣхъ колоколенъ,
черный ящикъ чинно и гордо
рукамъ его подневоленъ.

ИСХОДЪ.

Брату Н.

Несытость волчья Благодати-ль,
Нуныню-ль въ даръ принесена—
кто бъ ни былъ твой птицегадатель,
страшисъ вины Дамаскина!

Сердцебіенію безвкусій—
святынь ахилловой пятѣ—
юродствующій въ Іисусѣ
милѣй, чѣмъ мудрый во Христѣ.

Но не барочный ли уродецъ,
бѣжавъ своихъ Александрій,
явитъ жонглера Богородицъ
многообразію Марій?

1918. IV. 4.

ДИОНИСЪ И ДІАНА.

Вячеславу Иванову.

Колчанъ рѣсницъ склонила внизъ
Діана — чопорно и хмуро:
Тебѣ небриды ланья шкура
меня желаниѣй, Діонисъ.

Вмѣнитъ къ зениту возноситься
ужели вновь пятѣ кратеръ,
пестрящій шкурами пантеръ
топча курганъ Великой псицы?

Во имя истины какой,
пенатовъ попирая право,
грядущая сразитъ Агава
свой плодъ дрожащею рукой?

О, пусть грѣховенъ рабій разумъ, —
что прочишь ты ему замѣнъ:
прозрѣла всѣхъ воскрылій тлѣнъ
я Аргусомъ тысячеглазымъ!

И — сыну Лая вопреки —
дерзая оставаться зрячи,
мы горделивые не прячемъ
и отъ себя своей тоски.

КЛИНГЗОРЪ И ОФИОМОРФЪ.
(Изъ мотивовъ Круглаго Стола).

Taedet me magnitudinis.

Меня замкнулъ ты въ кругъ у силіями стали
какъ кольчатый Сатурнъ.

Мой карликъ развязалъ ремни моихъ сандалій
и подвязалъ котурнъ.

Я облачусь въ виссонъ ткачей прилежныхъ Тира:
душа моя бѣла.

При мнѣ фригійская меркуріева лира,
вино и омеда.

Въ послѣдній разъ споеть мнѣ пышный панегирикъ
свирѣль гамадріадъ.

И я вернусь туда, гдѣ праведный стагирикъ—
пусть это будетъ адъ.

И вѣчный фоліантъ на брениомъ аналоѣ
открою тамъ, гдѣ знакъ
двухъ треугольниковъ сплетается съ Добрымъ Зломъ
и съ плевелами—злакъ.

АВРОРА.

Кровь Аргуса—ночное небо.
Изъ крови той павлиній хвостъ
эпирамъ суетнаго Феба
—смарагдъ и амбра олокость.

Не на треножникахъ кумиренъ,
не средь углей очажныхъ ларь—
въ тебѣ, Александрійскій Сиринъ,
библіотекъ моихъ пожарь!

1918. I.

Ища осклаба рабьихъ лицъ,
плясаль худого Плавта паллій;
на форумъ спокойно спали
слова двѣнадцати таблицъ.

Уже величіемъ монаршимъ
владѣя, былъ еще не гордъ
во взорѣ оръ воитель ордъ,
оставленный Катonomъ Старшимъ.

РАДУГА.

Усталый гробъ, корму качая,
почилъ надъ мутной глубиной:
причальныхъ Араратовъ чая,
великъ и весель старый Ной.

И сквозь чернильные заливы
вершины горъ дыбятъ рога;
и голубя съ листомъ оливы
шлетъ семицвѣтная дуга.

ЖАЛОБА КАЛЛИМАХА.

Я знаю, не былъ ядовитъ
Якусь змѣи твоей, Аѳина;—
но плачь пучинъ спиной дельфина
ужаленного не давить!

И—чтущему надмірный мелось,
что заповѣдала змѣя,
не все съ берега видѣлась
презрѣвшая блудящій Делось
Присновладычица конья.

III

И я сказала: и такъ же молодъ,
И какъ узкой улицы ролян,
лирическая Цацали,
фанфаронада, сѣбѣ и голодъ...

Еще ли жребіи мой не горекъ?
одни акростихи надробіи
подъ грохотъ барабанной дробн
тамбурмажора всѣхъ реторше!

Но, скальды хладные, не ссорьтесь
вы надъ могилой миннезанга,
гдѣ только поцуган Банга
еще кричатъ: Fortuna fortis!

Рыцарь, я всегда молчу.
 Другъ, не чаю цѣли я:
 разумъ твой еще вчера
 грезилъ ратной мглой.
 — Ночь, покорная грачу,
 черная, какъ келія,
 закружила флюгера
 шибкою юдой.

Другъ, ты знаешь—для меня—
 всѣ мосты разрушены,
 всѣ дороги буреломъ
 третью ночь гатить...
 — Ахъ, зачѣмъ сѣдлалъ коня
 твой сѣдой конюшенный,
 пажъ зачѣмъ принесъ шлемъ
 и широкій щитъ?...

— „Знаю, другъ, но грусть уйметъ
 сердце гордо любящей:
 еле сотая заря
 обагрить мой шелкъ.—
 — орифламму и наметъ
 встрѣтятъ кровь и рубище,
 прахъ грѣшившаго царя
 и насытый волкъ.“

Грусть-ли, скуку-ль, тоску-ли
вдаль съ веселостью робкою,
точно хромой Арлекинъ,
несуть кривоногіе кули,
надъ дорогою топкою
пестрый тряся паланкинъ...

Гдѣ то—букеты магнолій,
гдѣ то—лѣса криптомерій,
гдѣ то—поэты о Мери
вѣчный ведутъ діалогъ,-
другъ мой, не все намъ равно ли?
Только бы кто-нибудь дальній
пологомъ опочивальни
душу укрылъ отъ тревогъ...

Звать его мы не посмѣли.
Дальше все недозволеннѣй
грѣшныхъ утѣхъ пути:
вдоль многолюдной панели
только носильщиковъ голени
знаютъ, куда имъ идти.

Съ рыжей гривой конь бьетъ копытами рѣзко
синій мохъ перелѣска.

Бѣлой птицей летять точно пѣна потока
перья чернаго тока.

Все звончѣе галонъ и какъ пѣна потока
перья чернаго тока.

Все проворнѣе рысь и, повадку мѣняя,
догоняетъ борзая.

Королеву и дочь своей матери крестной
сваталъ онъ въ эту весну.

Съ рыжей гривой конь бьетъ копытами рѣзко
синій мохъ перелѣска.

Безъ дуэньи графиня перстами изъ воска
поправляла прическу;
гребешкомъ золотымъ, на балконѣ въ томленьи
безъ пажа и дуэньи;
и когда улыбалась, жасминъ и лилей
становились бѣлѣе.

И графиня одна безъ пажа и дуэньи
на балконѣ въ томленьи.

Такъ торопитесь вы не въ походъ ли опасный,
о, мой всадникъ прекрасный?

—Королеву и дочь моей матери крестной
сваталъ я въ эту весну.

Въ вашихъ черныхъ кудряхъ точно синія росы,
лунный свѣтъ мои косы.

—Королеву и дочь моей матери крестной
сваталъ я въ эту весну.

А когда улыбаюсь, бываютъ бѣлѣе
и жасминъ и лилей!

И графиня въ сѣдлѣ, и взлетаютъ высоко
перья чернаго тока.

Съ рыжей гривой конь бьетъ копытами рѣзко
синій мохъ перелѣска.

Не возьметъ уже дочь своей матери крестной
онъ женой въ эту весну.

1915. IV. 4.

Переводъ изъ Жана Мореаса.

Т. П. К.

Пѣснь, отчего такъ легка ты,
тихо, точно съ фелуки,
сквозь мандолинъ пиччикато
доносящая звуки?

Въ олово зноя вдѣланъ
кѣмъ ароматъ апельсина,
и куда это въ бѣломъ
идутъ пилигриммы чинно?

А эта дама-кто это?
кажется, что когда то
васъ писалъ Тинторетто
въ пестрыхъ складкахъ броката.

Ахъ, я припоминаю:
это поблекшія были,
современныя маю,
о которыхъ забыли.

БАЛЛАДА
КЪ МАДАМЪ ДЕ ПОМПАДУРЪ.

Теперь ли—рифмою балладъ
(когда Маркизъ надоѣли
и лунь, и дугъ, и льстивый хладъ
полунастужеской свирѣли),—
и я, какъ древле менестрели,—
усладъ грядущаго авгуръ—
вамъ докажу, что въ самомъ дѣлѣ
пою мадамъ де Помпадуръ?

Пою планетный Вашъ нарядъ;
пою Аркадію въ Ла—Селѣ;
дворецъ Креси—красу наидъ,
пою завѣсы у постели,
гдѣ вновь къ Зевесу и Семелѣ
съ Цитеры прилеталъ Амуръ;
и на твоей, Латуръ, постели
пою мадамъ де Помпадуръ.

Пусть мудрецы сулили адъ
тому, кто колыхалъ качели,
внимая рокоту прохладъ
и презирая скуку келій,—
дерзнетъ ли разумъ, ритуриели
повторный презирая туръ,
сказать: „зачѣмъ?“ спросить: „ужели?“
Пою мадамъ де Помпадуръ.

Envoi

О Фебъ, мертвѣе иммортелей
дерзанья тѣхъ, чей станъ понуръ,
но до сѣдинъ отъ колыбели
пою мадамъ де Помпадуръ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАВАЛЕРА ФОБЛАЗА.

Не надо чопорныхъ вступленийъ
И оглавленья хмурыхъ вѣхъ:
грѣшно во взорѣ поколѣній
и такъ красивый красить грѣхъ.

Кто у каретнаго сарая,
какъ я, платясь за злую блажь,
видалъ, отъ ревности сгорая,
качающііся экипажъ;

Завтра жъ взоръ сапфировъ синихъ
и вождедѣнный монастырь,
гдѣ бдила госпожа фонъ-Минихъ,
какъ у пещеры нетопырь,—

пойметъ, взглянувъ сквозь маски прорѣзь
какъ Яго-графа злой языкъ
къ моимъ Remedia Amoris
быть снисходительнымъ привыкъ...

И—невоспитанности вспышкой
мою рѣшающей судьбу,
маркизь съ сиреневою шишкой
межъ двухъ роговъ на низкомъ лбу.

И вы, баронъ, раненъемъ отчимъ
миѣ не давашіе уснуть,—
и вы, кто были между прочимъ,
и вы, кто составляли суть,—

мила иль нѣтъ вамъ амазонка,—
вы горшей Аріадны нить
въ галантной поступи ребенка
поторошитесь обвинить.

А сердце стараго режима,
не возродишься ты ни въ комъ:
лишь подражаньемъ одержимый
вашъ вѣкъ займетъ парикомъ;

и тѣ, чей горделивый разумъ
не сдѣлалъ шага дальше насъ,
не могутъ сдѣлаться Фоблазомъ
непрезойденнымъ, какъ Фоблазы!

ЖАНЪ ЖАКЪ.

Вы говорите: ночь, пруды и запахъ мяты,
Вгавоттъ и фараонъ, аббаты и обѣты,
и полъ часа назадъ надѣтые манжеты
отъ росъ и отъ любви становятся измяты?...

—Ахъ, все условное останется условно...

—О да, но въ этомъ есть мечта и есть манера:
Версаль, который всталъ изъ кресель Ризенера,
не можетъ сразу стать парижской подмосковной.

—Смотрите, скоро свѣтъ заговорить о плугѣ,
начнетъ любить людей, начнетъ носить гвоздики,
а этотъ господинъ, который цѣнитъ дикихъ,
должно быть человѣкъ изъ чьей-нибудь прислуги.

О политических плакатъ
за модой мчащаяся полька!
Меньше, рабочей часъ—и только
Наполеонъ изъ адвокатовъ...
Реалистическія бредни—
второромантиковъ манера:
Флоберы у Зола въ передней,
Зола въ передней у Флобера.

И жокей-клубъ во власти сплина:
портняжьей хитростью чреваты
ужель вы въ этомъ виноваты,
классическіе кренолины?
Ужель— газетному злословью
вослѣдъ—на грани новолуній
грѣшно четвертому сословью
пророчествовать о Коммунѣ?

А запретить ручью абсента
струиться весело въ подвалѣ
и власть осмѣлится едва ли,
когда въ подвалѣ декаденты.
Но въ Петербургѣ душегубецъ
съ лицомъ воинственнаго мопса
сѣдыхъ волосъ стремить трезубецъ
въ столицу роскоши и Ронса.

Не тщетно часть ратный геній
подъ звуки прусскаго оркестра
ввести грамматику Де-Местра
въ салонъ императрицъ Евгеній;—
и знаю, скоро, очень скоро
туда, гдѣ барышни плясали,
берлинская ворвется шпора,
Круша и Лувры и Версали.

И поглотятъ за кружкой пива
всѣхъ тѣхъ, кто подплываетъ близко,
какъ карповъ перваго Франциска
съ спиной отъ старости плѣшивой.
А Гамбетта едва ли кстати,
врачуя грѣхъ Наполеона,
изъ пожилого Иліона
взовьется на аэростатѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ прокричалъ трикраты
пѣтухъ святого четверга,
и стали мѣрить на караты
наитетованій жемчуга, —

у злата житницъ и божницъ
не надо спрашивать о пробѣ:
мои неправильныя дробы
темница цѣлыхъ единицъ!..

Зима, Авзоній, океанъ
поляризованныхъ вселенныхъ,
и вновь у ритора въ Верленахъ
прилежно служить Лукіанъ.

Ужели многого неслѣдѣи
 тотъ рукотворный эмпирей,
 чѣмъ Аполлономъ былъ Асклепій,
 отецъ моихъ аптекарей?..
 Архивъ реликвій на каминѣ
 ужель ничѣмъ не подонить
 избравшаго между ланитъ
 ланиты лунной аллюминій, —
 коль бѣлокурыхъ аллелуй
 не перенесшіе зениты
 сказали: и такой ланиты
 Авлодь холодный не цѣлуй?!..

Речитативъ? Но въ тактѣ хворомъ
 провидѣть ритмы не берись,
 хромого циркуля растворомъ
 чертящій тверди Сибарись!
 Изъ рукодѣля Пенелопы
 герои не кроютъ плащей:
 коль смертный — «сѣтра всѣхъ вещей»
 попалъ въ кабальные холопы, —
 отрадно знать, что каждый-плохъ;
 и дѣлать выводъ, будто всѣ мы
 четырехстопной ждемъ поэмы
 ямбической, какъ Архилохъ!

И вокругъ меркуріевой книги,
 чья ложь обычѣе, чѣмъ былъ,
 отъ Вячеславовой квадриги
 Истмійская ложится пыль!
 О безудержномъ содержаньи
 Парнаассу жалобъ не неси:
 многоиспытанной оси
 дано не знать о конскомъ ржаньи;
 а скользкій сокращая путь,
 мы сами здраво опорочимъ
 „и то что было между прочимъ,
 и то что составляетъ суть“...

Соратники взирають косо
на тѣхъ, кто ямба патерикъ
подобно триметру Пароса
колесамъ посвятилъ квадригъ.
Но смоламъ мертвой Вероники
угоденъ рукотворный жаръ,
гдѣ лишь за золото Пиндуръ
сталъ корифеемъ эпиникій.
И Стимфалійскаго пера
острѣй холодную сатиру
слагала въ назиданье міру
иныхъ ямбографовъ игра.

Когда же эллинскія кормы,
отъ колыбели всѣхъ началъ
влача сокровищницу формы,
въ Египтѣ обрѣли причалъ, —
Парнаесской зрѣлости Лахезисъ,
отъ авла перейдя къ сохѣ,
въ любомъ позволила стихѣ
за арсисомъ поставить тезисъ;
чтобъ послѣ смуглый бедуинъ
обрывки мудрыхъ шестистоній
привезъ растерянной Европѣ
отъ Птолемеевыхъ руинъ.

И прадѣ въ подмосковномъ паркѣ,
молясь на звѣздъ иконостасъ,
благословлялъ вослѣдъ Петраркѣ
„Великій День и Минъ и Часъ“...
Когда же западнику дѣду,
бездарному какъ Мармонтель,
стеля предсмертную постель,
Парни поразсказалъ про Леду, —
его смѣнилъ сторукий торгъ,
гдѣ мѣди мытницъ запахъ ѣдкій
въ долгу у денеска виньетки
подъ тѣмъ, что написалъ Лефоргъ...

А я рожденъ въ гранитной сыри,
гляжу на міръ изъ амбразуръ;
взамѣнъ шести пишу четыре
тяжелыхъ ямба безъ цезуръ.
Поютъ Верлены въ каждомъ вѣтрѣ:
„желанной жатвы сердцу нѣтъ“,
и сытый надобѣль сонетъ
въ оковахъ чопорныхъ симметрій...
Но знаю-ль, каждую строфу
воображая эталажемъ,
съ какою музой мы приляжемъ
на Эпикурову софу.

1916. I.

О великій превеликій
 Государь пророкъ Илья!
 пооблѣзли луны лики:
 переходящему каликъ
 не найти во тьмѣ жилья.

Въ поднебесьи — осьи жала,
 а внизу — не видно зги...
 Въ кущахъ вѣдьма завизжала, —
 у души моей хожалой
 подкосились три ноги!

Тучной тучи осговъ пѣгій
 въ небьсемъ омутѣ распухъ.
 У немазаной телѣги
 размечтался о ночлегѣ
 стада малаго пастухъ.

Хворый лѣшій на охотѣ
 опозналъ едва свой лѣсъ.
 Стада малаго пѣхотѣ
 этой ночью — идоля скотій —
 не къ селу и самъ Велесъ.

Снасти сѣтуютъ рыбачьи,
 что замѣшкалась роса.
 Обоняя неудачи,
 человѣчьими собачьи
 показались голоса...

Человѣчьи жъ — лишь посула:
 всякій всякому — изгой;
 усмѣхнется пята скулы,
 Селяниновичъ Микула
 надо мною — надъ Вольгой!

Печаль, любовь, усталость, правду, злобу—
послушный волѣ раннего толчка—
вращаетъ чинно этотъ глупый глобусъ
вкругъ одного понятія—тоска.

Мы съ вами знаемъ: это все некстати;
усталые оракулы молчатъ
и надъ слугой ненужныхъ предпріятій
лукаво покосился небоскатъ.

Но синій шаръ вращаетъ все же чинно
своихъ личинъ простую карусель,
и многому, что было безъ причины
столѣтя подыскали даже цѣль.

И нашъ Олимпъ, храня секретъ затѣи,
надъ ярмаркой міровъ вертятся, повисъ:
на всѣхъ пантерахъ пьяные Орфей
и на Пегасѣ трезвый Діонисъ.

Мы скажемъ пусть, и будемъ вѣчно правы;
лукавый разумъ предъ собою чистъ,
пока мірамъ варитъ свои отравы
козлоголовый пламенный софистъ.

ПЬЕРО ОДИНАКОВЫЕ.

Мы вышли изъ одной коробки,—
Му насъ одни привычки:
земля луну замкнула въ скобки,
а мы замкнемъ въ ковычки.

Такихъ какъ мы на свѣтѣ сотни,
и наша доля злая
Встрѣчать луну изъ подворотни
какофоніей лая.

И каждый чаявшій обновки
рифмованныхъ ужимокъ
гравировалъ на заголовкѣ
нашъ полинялый снимокъ.

Линия на чужой обложкѣ,
мы лучшаго не ищемъ;
мы—какъ серебрянныя ложки,
заложенныя нищимъ.

А луны, подаваясь рѣдко
смычку трескучихъ tutti,
служили круглою виньеткой
неокругленной сути.

О, владыка бываній, фонарь на бульварѣ,
Все одѣвъ въ колоритъ керосиновый,
благочинье блюдешь ты, — эдилъ...?

Лавки виной у вратъ я стою — архиварій,
чтобъ заката въ шатеръ парусиновый
прокричать „не забудьте — я бдилъ“: —
(а въ окнѣ тишину бередилъ
лишь наѣвъ простоты клавесиновой).

О, деревьевъ Дерена уборъ рыжеватый,
я не вижу достойнаго довода
въ пользу истины вашихъ скорбей.
Тошій волъ фараона абсурдомъ чреватый
вправѣ гнать аллегоріи овода...
(„Блага будней, мертвецъ, не убей“
прокричалъ бытія воробей
съ высоты телеграфнаго провода).

А — отцамъ вопреки — измѣреній четыре
Катехизису встрѣчнаго жречества
Подаривъ, — мы боговъ не бранимъ;
чтобы въ библию кривдъ искаженій псалтири
не вписалъ идіотъ челоуѣчества
сынъ Лаерта, какъ онъ, анонимъ,
чтобъ стоялъ передъ нимъ и за нимъ
Архиварій реликвій калѣчества.

Х удо. За пахотью хилой—
западъ въ доспѣхахъ Ахилла;
ближе надъ дверью аптечной
блекнетъ двуглавый орелъ:
бѣды танцуютъ отъ печки
въ обыкновенномъ мѣстечкѣ.
гдѣ маэты скоротечной
я крематорій обрѣлъ.

О моя Ultima Tule!
правду твою обрѣту-ли
(сладкое—горшаго ради—
не поминая добромъ)
туть, гдѣ рядами бутылокъ
тополи стали въ затылокъ
ближе къ церковной оградѣ
за постояннымъ дворомъ?...

ПАРІА (II)

Н а откосѣ, сонливы и косны—
темноты Веліаровой прелести
Осудивъ, по уставу скита
православно колышутъ сосны
съ роговой бахромой, какъ челюсти
ненасытной пасти кита,
рвань вѣтвей лишенныхъ листа,
и колючихъ на ощупь и въ шелестѣ.

Подражательно чающій часа
реторически вторить: не мрака ли
не хватаетъ, о сердце, тебѣ?
и стенаетъ свирѣль свинопаса
какъ въ Эмладѣ авлоды не плакали
и безсильны сказать о себѣ,
о закатѣ, тоскѣ и избѣ
просодіей владѣя каракули.

ПАРІА (III)

Хорошее пришло къ концу,
и блудной noci эѳіоны
сказали, будто мнѣ къ лицу
каноть усталой Пенелопы.

Душа ждала, ждала, ждала,
но, пепель памяти развѣявъ,
въ каминѣ мѳа погребла
всѣхъ невозвратныхъ Одиссеевъ.

И только грязные гербы
грядущаго поймутъ (—до срока),
что лилія моей судьбы—
между улитками барокко.

Не все ль равно, вздыхаютъ ли пассаты,
Ниль мечется нордъ-остъ, —
спокойно снить мой парусъ полосатый,
облокотясь о мостъ.

Никто не скажетъ, лицемърюю ль мели,
мечу ль подводныхъ скалъ
онъ отдалъ то, чего вы не имѣли, —
а самъ онъ не искалъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Гораціева корабля
держаютъ кормчіе не часто,
и спить, Атланта коренастой
пятой попраанная, земля.

А плить береговыхъ во мху
гниютъ триремъ моихъ канаты,
гдѣ скудоумные пенаты
влачатъ вседневія соху.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.	Стр.
Стилось Александріи	9
СОНЕТЫ.	
Сонеты самооправданія:	
I. И сумракъ сирѣ и мутель лунный кругъ . . .	13
II. Тебя, о Тишь неколебимыхъ линій	14
III. Колчанъ луны не по плечу лазури	15
Сонеть пейзажъ	16
Сонеты-акростихи:	
I. Матери	17
II. Брату	18
III. Исааку Рабиновичу	19
IV. Владимиру Эльснеру	20
V. Стефану Малларме	21
Изъ Стефана Малларме (переводъ)	22
Людовикъ XIУ	23
Людовикъ ХУ	24
Людовикъ ХУІ	25
Сонеть, сопоставляющій два единства	26
ПОЭМЫ.	
I.	
Вѣрую, ибо нелѣпо	30
Эммаусъ	32
Лифостратонъ	34
Эпигоніонъ	36
Многоглавый номосъ	37
Діонисъ и Діана	38
Исходъ	39
Аврора	40
Римъ	41
Радуга	42
II.	
Рыцарь я всегда молчу	44
Грусть ли, скуку-ль, тоску-ли.	45

	Стр.
Графиня Эсмеральда (переводъ изъ Ж. Мореаса)	46
Пѣснь, отчего такъ легка ты (переводъ изъ Ж. Мореаса)	48
Баллада къ Мадамъ де Помпадуръ	49
Приключенія Кавалера Фоблаза	50
Жанъ Жакъ	52
Полька Второй Имперіи	53

III.

Ямбы.	56
Отъ Бафомета.	59
Пьеро одинаковые	60
Любовь	61
Архивариусъ дерзкихъ реликвій.	62
Худо. За пахотью хилой	63
На откосѣ, сонливы и косны	64
Хорошее пришло къ концу	65
Не все ль равно, вздыхаютъ ли пассаты	66

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Гораціевы корабли.	69
----------------------------	----

СОДЕРЖАНІЕ	71
----------------------	----

